

Римский шопинг

Прежде чем завершить нашу прогулку по Риму, предадимся любимому занятию многих туристов – займемся походом по магазинам, рынкам и местам несанкционированной торговли. В античном Риме ведь можно было купить всё – от вещей до людей.

«Дорого здесь голодать, и рынок тебя разорвет»
Марциал (пер. Ф. А. Петровского)

Рынок Траяна

Почти для половины жителей Рима время часто не имело значения. В миллионном городе имелось около 400 тысяч празднующихся людей, у которых не было никакого другого источника дохода, кроме премий от своего патрона и «хлеба» (и других продуктов), которые раздавали римлянам по приказанию императора.

Разумеется, в Риме было немало и людей труда – рабочих и ремесленников. В городе зарегистрировано свыше 150 профессиональных объединений, коллегий (их сравнивают обычно со средневековыми гильдиями). Свои коллегии были у кузнецов и гончаров, плотников и медников, булочников и сукновалов, парикмахеров и парфюмеров, рыбаков и продавцов фруктов.

Многое из того, что сделано руками римских мастеров, добыто рыбаками или собрано садоводами, можно было увидеть на Рынке Траяна – в этом грандиозном полукруглом здании, замыкающем Форум Траяна. Этот рынок возведен около 111 года архитектором Аполлодором из Дамаска по поручению императора. Возможно, он был самым большим торговым центром Античности.

На шести этажах здания располагалось около полутора сотен лавок, торговавших всякой всячиной, а также множество складов, обустроенных лавочниками. На первом этаже, например, продавали овощи, фрукты и цветы. На втором этаже – оливковое масло и вино. На следующих двух этажах можно было приобрести перец и другие дорогие пряности. На пятом этаже на-

Рынок Траяна
стал
прообразом
современного
супермаркета

ходиллся зал, в котором по поручению императора раз в неделю гражданам Рима раздавали хлеб. На верхнем этаже были обустроены бассейны, в которых держали рыбу торговцы ею. По свинцовым трубам свежая вода поступала из акведука в бассейны для пресноводных рыб. Соленую воду для бассейнов с морскими рыбами привозили из ближайшей гавани — Остии.

Вероятно, на рынке торговали не только продуктами, но и другими товарами: одеждой, мебелью, посудой, ювелирными украшениями. Без этого нам трудно представить себе рыночную торговлю.

Разумеется, у Рынка Траяна имелись и свои недостатки. Не всем нравились толкотня в здании или назойливые призывы продавцов непременно купить их товар. Утомляли и разнообразными резкие запахи, преследовавшие покупателей, где к винным парам был подмешан возбуждающий аромат специй и стойкая вонь рыбы.

На Этрусской улице книжный магазин

Интеллектуалы, чьи интересы были далеки от «хлеба, прочей еды и зрелищ», становились завсегдатями совсем других магазинов — например, шли на vicus Tuscus (викус Тускус), Этрусскую улицу, связывавшую Фо-

рум с Большим Цирком. Там, возле Форума, прямо за храмом Диоскуров (храмом Кастора и Поллукса), братья Сосии организовали торговлю книгами. В их лавке можно было купить свитки с текстами Горация и многих других римских авторов.

Сам Квинт Гораций Флакк, великий поэт эпохи Августа, завершил первую книгу своих «Посланий» шутивым напутствием ей, направляя эту странницу от родных пенатов в гостеприимный дом Сосиев — выставляя ее на продажу:

*«Кажется, книжка, глядишь
на Вертуми и на Януса свод ты —
Хочешь стоять на виду, знать,
приглажена Сосиев пемзой.
Ты ненавидишь замки и печати,
приятные скромным;
Стонешь ты в тесном кругу и места
многолюдные хвалишь [...].
Будешь ты Риму мила, пока не
пройдет твоя младость;
После ж, руками толпы захватана,
станешь ты грязной,
Непросвещенную моль молчаливо
кормить будешь [...]»*
(I, 20; пер. Н. С. Гинибурга).

«Торговля книгами была прибыльным делом, и Сосии принадлежали к числу крупных деятелей римской книготорговли, как можно судить на

Слева направо: базилика Юлия, храм Сатурна, храм Веспасиана, храм Конкордии

основании того, что Гораций употребляет их имя в качестве нарицательного», — пишет советский историк В. Г. Борухович в книге «В мире античных свитков» (гл. X, 1976).

Даже ручки дверей в книжной лавке Сосиев были обклеены листами папируса со строками из книг, выставленных у них в магазине. Это была своего рода реклама, побуждавшая людей читать и покупать книги.

Последнее было многим не по карману. Свитки с эпиграммами и одами, например, стоили 5 денариев. Какой-нибудь грузчик трудился бы несколько дней, чтобы заработать такие деньги. «Не с тех ли времен, — шутливо замечает немецкий историк Кай Радемахер, — литература стала роскошью, привилегией людей богатых?» (С. Rademacher. «Ein Tag im Leben der Millionenmetropole» // «Rom. Die Geschichte des Kaiserreichs 27 v. Chr. — 476 n. Chr.», 2012).

В базилике Юлия

От дверей этого книжного магазинчика открывался прекрасный вид на Римский форум — площадь шириной в несколько сотен метров, где во времена республики любили выступать с речами консулы и народные трибуны, обращаясь напрямую к гражданам Рима. Однако в императорскую эпоху, когда время вольности и народовлас-

тия отошло в прошлое, Форум постепенно превратился в каменный музей под открытым небом. Площадь покрывалась храмами, колоннами, императорскими статуями и триумфальными арками, словно морщинами, приметами старости. Ее впору даже иронично назвать «мраморной кулисой, маскировавшей проем между Палатином и Капитолием».

Прямо напротив книжной лавки Сосиев находилась базилика Юлия, построенная Цезарем. В ее стенах разыгрывались настоящие судебные спектакли. Здесь, поднявшись на балюстраду, можно было послушать, как адвокат, прекрасный ритор (адвокатом и ритором был и сам Цезарь), битый час пламенно рассуждает о том, кто и почему должен наконец заполучить треклятое наследство.

В этих стенах велись процессы по самым разным гражданским делам. Искусные адвокаты превращали судебные заседания в подобие театрального действия, в котором по примеру своих артистических кумиров так блестяще играли роль защитника страждущих, так вживались в это дело, что одним лишь искусством риторики, умением гипнотизировать слушателей и судей своими речами выигрывали дело, не приложив к нему иных усилий.

В этом просторном зале, кстати, проводилось несколько судебных процессов одновременно. Их участники были отделены лишь полотном ткани. На такие процессы адвокаты часто приводили своих клиентов, служив-

ших им «группой поддержки», клакой. При особенно удачных пассажах адвоката его сторонники разражались громом аплодисментов. Подобные овации, сопровождавшие выступления участников одного процесса, часто сбивали с толку участников других процессов. Тем приходилось прерывать свои речи, останавливать слушания, прежде чем восторженный шум за занавесом утихнет и можно будет возвратиться к нерешенным вопросам, чтобы, может быть, через каких-нибудь полчаса, после удачной речи здешнего адвоката, зрители тоже взорвутся шумом, гамом, овациями, мешая всем остальным.

Когда плачут денежки

Чтобы отдохнуть от этой неразберихи, посетителю Рынка Траяна, заглянувшему ненадолго в зал судебных заседаний, остается разве что покинуть здание и прогуляться — пройтись, например, к Марсову полю, где по соседству с Пантеоном, Храмом всех богов, высятся величественные портики — прямоугольные крытые колоннады с просторными внутренними дворами. Поблизости от них находятся помещения, зарезервированные для заседаний Сената.

Кстати, зал в пристройке к театру Помпея, где во время сенатского заседания был убит Цезарь, сразу же был надолго закрыт. Впоследствии его наконец откроют, но в нем разместится... общественный туалет.

В лавках, расположенных неподалеку от Пантеона, продают самые разные предметы роскоши. Вот статуя бога из коринфской бронзы, она таинственно светится.

— Может быть, потому что в нее подмешаны золото и серебро? — Можете приобрести! — Мраморная Афродита Фидия?! — К вашим услугам! А хотите Афродиту Праксителя? Будет сделано! Всё оригиналы, конечно, можете не сомневаться! С автографом автора!

Умеют же греческие торговцы, говоря про покупки да про покупочки, переторговать благородного римлянина, околпачить его и одурачить.

— А вот же, глядите, кубок из горного хрусталя! А кому серебряный кубок?! — Глаза его веселятся, плачут чужие денарины. — Всё доступно, всё по вашей цене (с нашей поправкой, конечно: последняя фраза произносится по-гречески). Серьги, усеянные драгоценностями! Лучшие изделия из слоновой кости! Ложе из панциря громадной черепахи! Столик из древесины туи! Ну и?

— Нет денег на роскошь? Может быть, повезет в азартной игре? На нее-то найдутся денежки? Ваши три шестерки всегда выпадут! Или наши, а вам тогда — три пустышки. Ничего, отыграетесь в следующий раз. Ставьте на кон еще раз то, что у вас осталось. Должно же вам подфартить с шестеркой! Или опять нам? Бывает. Мы тут просто сидели, а очки почему-то к нам всё идут.

И вот уже рука хозяина, словно коварная рука варварского божка, тянется к игральному кубику о шести гранях, вырезанному из кости или древесины. Сейчас всемогущие пер-

сты метнут его, пуская вскачь шестерки и взвихря россыпь двоек и троек, готовых перебить удачу. И кость вертится в воздухе, мгновениями обирая удачу к тебе...

Правда, императорским указом игра в кости запрещена в Риме. Этому пороку разрешено предаваться лишь несколько праздничных дней в году. Но кто же проконтролирует все потайные комнаты в бесчисленных тавернах? Порок, как грязь, заведется везде. А результат предскажем, спросите у Марциала...

*«И, в обманные кости проигравшись,
Извлеченный из тайного притона,
Охмелевший игрок эдила молит»*
(кн. V, 84).

Подобных нищebroдов игральные кости разоряли, пресыщенным богачам шекотали нервы. Верно написал Ювенал:

*«...лишь бедным
Стыдно и в кости играть,
и похабничать стыдно, когда же
Этим займется богач, — прослышет
и веселым и ловким»*
(сатира XI; пер. Ф. А. Петровского).

И кто возьмется осуждать богачей? Кто вообще проконтролирует перипетии порока в античном Риме? Вот даже на белых мраморных ступенях базилики Юлия какой-то наглец расчертил, процарапал поле для игры, может быть, в «разбойников». По своим правилам эта игра уже приближалась к шашкам или даже шахматам, где разные фигуры имели право на различные ходы. Овидий упоминает ее в «Науке любви», поучая лирическую героиню:

*«Если играешь в "разбойников",
будь осмотрительна тоже:
Пешка, встретясь с двумя,
сразу уходит с доски»*
(кн. III; пер. М. Л. Гаспарова).

Так что, должно быть, и здесь, по соседству с залом, где проходили сулeбные заседания, кто-нибудь в несчастливый день спускал все свои деньги, а его соперник, всё еще не веря везению

и постукивая на удачу по мрамору, приобретал, раздухарившись в игре, целое состояние?

Зрелищ и зрелищ

Но даже если у тебя нет денег на роскошь или ставки в азартной игре, можно весело провести время, наскребя хоть пару монеток на посещение императорских терм, Большого цирка (*Circus Maximus*) или Колизея. Можно и вообще не заморачиваться на деньгах. Многие мероприятия и представления устраиваются в Риме бесплатно.

Императоры ведь понимают, что римлянам для счастливой жизни нужны не только «маркетплейсы», то есть «хлеб», но еще и эффектные «зрелища». Кто недополучает их, тот негодует, восстает и тем охотнее радуется расправе над незадачливым императором, слухам о его казни.

Выбор развлечений большой. Можно уютно расположиться в калдари (зале с горячей водой) терм Траяна, спрятав в нишу одежду и наслаждаясь обволакивающим тебя паром. И пусть пот льется градом, приятная полудрема охватывает купальщика. Заплатив всего четверть асса, бедняки нежались в термах целый день напролет. Дневные грезы в Риме были как нигде дешевы (в одной из предыдущих прогулок мы

*Победитель в римской
гонке на колесницах.
Мозаика*

уже отметили, что кружка вина или хлеб стоили в Риме один асс).

Можно толпиться с десятками тысяч зрителей на трибуне ипподрома, наблюдая за гонками колесниц, а Большой цирк и был ипподромом, и его вместимость даже в наши дни кажется фантастической — 250 тысяч человек, четверть населения Рима (в дни больших состязаний и празднеств, кстати, мест, все равно не хватало, — любители бесплатных зрелищ пробирались на трибуны еще в ночной темноте, запасшись терпением на много часов вперед)!

Наконец, можно восторженно реветь вместе с публикой, собравшейся в Колизее: «*Habet, hoc habet!*» («Он слезал это, сделал!»), приветствуя гладиатора, отличившегося в поединке. Даже самый бедный римлянин вправе повеселиться наравне с богачами, увидеть то, что хотел бы видеть каждый.

Город страха

Однако в 11 часов (по нашему времени — 18.30 летом, около 16 часов зимой), если нет никакого праздника, Рим радикально меняется. Из города развлечений и роскоши он вдруг превращается в город страха.

Если бы нам случайно удалось попасть на улицы античного Рима в этот час, мы решили бы, наверное, что город готовится к вторжению варваров. Эти строки Константина Кавафиса — словно живая зарисовка происходящего, сделанная приподнявшимся поэтом:

*«Что опустели улицы и площади?
И почему, охваченный волнением,
спешит народ укрыться по домам?
Спустилась ночь...»*

(«Ожидая варваров»,
пер. С. Б. Ильинской).

Все праздные прохожие, и верно, стремятся быстрее попасть домой, торговцы закрывают лавки, а в комнатах их постояльцы захлопывают ставни и для верности навешивают на них цепочки, чтобы обезопасить свою «крепость».

С наступлением сумерек улицы и переулки Рима напоминают, сказали бы мы, какой-то разветвленный каньон ночной порой. Мрак, сгустившийся здесь, словно вавилонская нефть на дне посуды, не рассивает ни зарево факелов, ни тусклый свет ламп, ни тоненькое свечение, льющееся откуда-то. Здесь нет места свету, здесь тьма, в которой страшно любому простому человеку.

И вот в этой кромешной темноте вдруг открываются городские ворота. С шумом, топотом, скрипом в Рим устремляются, нет, не варвары, а крестьяне и грузчики, каменщики и сельские торговцы. По указу, принятому Цезарем, которого, наверное, проклинают все эти люди, они могут въехать в Рим на повозках, запряженных волами или мулами, только в ночные часы. Они везут в столицу мрамор, вино, овощи и множество других товаров. Их скрипучие повозки — это грузовые фуры античной эпохи, а грузовой транспорт и в наше время допускают в центральную часть иных городов лишь по ночам.

Разумеется, возчики не могут так просто ехать по улицам, где настолько темно, что стену дома не отличишь от арочного проема. Вместе с плетью, которой они подгоняют свою животину, каждый держит факел, чтоб осветить дорогу в этом лабиринте римского градостроительства. Они рассеивают ночной покой оглушительной какофонией звуков. Громяхают колеса их повозок, обшитые железными лентами. Кричат мулы, режут волю. Возчики то сыпят проклятиями, то умоляюще кричат «Посторопись!», не желая усеивать улицы трупами зазевавшихся людей.

Обитатели доходных домов, за окнами которых совершается ночное вторжение, вынуждены терпеть раздражающий душу шум. Разбуженным среди ночи римлянам кажется, что на улице сейчас громяет куда сильнее, чем днем.

К шуму добавляются совсем нехорошие ощущения. Всякий раз, когда мимо дома проносится повозка, груженная глыбами мрамора или травер-

тина, жильцам кажется, что их дом сейчас рухнет, ведь его тонкие стены начинают совсем нешуточно дрожать в такт подводе.

Особенно скверно чувствуют себя обитатели домов на склоне какого-нибудь холма. Повозки не могут сразу въехать наверх, образуя затор. Чем ближе утро, тем отчаяннее бьются и кричат водители гужевого транспорта, пытаясь всё же преодолеть этот крутой подъем и доставить груз по назначению. Если это не удастся сделать до рассвета, им по закону придется покинуть город, чтобы следующей ночью с криком, визгом и гиканьем вновь штурмовать римские холмы.

Разумеется, эти ночные комедии для беззаботных зевак и трагедии для жителей всполошенных домов разворачиваются не на всех улочках и тропинках Рима, а только на самых широких улицах.

Бесчисленные мрачные переулки, где любая фура сразу застрянет, пусты по ночам. Во всяком случае так покажется редкому сумасброду, который заглянет туда.

Ночь на улицах Рима, и правда, мерило ума. Ночные прогулки всегда будут благополучно заканчиваться, если человек наделен хитростью, смекалкой — и силой, ведь в любой момент прогулка готова превратиться в испытание, инициацию, лишь успешно пройдя которую, странник может считать себя «настоящим римлянином».

Богатые римляне тут, конечно, не в счет, хотя они стали бы самой лакомой добычей для «ночных хищников» Рима, его «фаворитов Луны». Но богатым все нанести по барабану. Если они и припозднятся, возвращаясь с какого-нибудь пира, о них позаботится охрана. Целая когорта рабов с факелами в руках показывает им путь и готова прийти на выручку, если кто-то нападет на их господина.

Обычному римлянину рассчитывать на помощь нечего. Ему помогут лишь ум и осторожность — ночью может случиться что угодно. Пожалуй, самая пустяковая опасность — это вылитый прохожему на голову ночной горшок с тошнотворным содержимым.

Гораздо хуже, если на пути окажутся какие-нибудь молодые, богатые обалдуи, которые, прихватив для подмоги нескольких крепких рабов, шатаются по задворкам Рима и задирают прохожих, надеясь отвесить им тумачков.

Но эти хоть только поколотят. Ночные воры, выследив и обокрав прохожего, могут его и убить, представляя дело так, будто несчастный выпал из окна соседнего дома, и, кроме него самого, никто в его жалкой судьбе не виноват.

На бойком месте

Но Рим не был бы Римом, если бы даже в эти часы, когда одних потенциальных покупателей мутузят шалопайи, а других приканчивают мастера воровского ремесла, если бы даже в эти страшные ночные часы, Рим не продолжал бы торговать, поскольку ночь — это перевернутый, поставленный вверх тормашками день, где добро уступило место злу, а зло стало торжествовать, стало быть и ночная торговля в Риме — это тоже образчик «перевернутого» или, если хотите, карнавалного мира, ведь римляне торговали ночью не в роскошных магазинах, а в... клоаках. И торговля там была бойкой.

Изнанку античного Рима являли каналы. «Римляне, народ весьма прагматичный, с самого начала поняли, что высокая концентрация людей невозможна без эффективной канализации» (А. Анджела. «Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьезы», 2016).

Каналы были внутренними органами города, его выводными путями, удалявшими из городского организма все нечистоты, грязь и дождевую воду, направляя их в Тибр, иначе бы город затонул в этом месиве. Именно благодаря им на улицах Рима появились глинобитные мостовые.

Самый известный из каналов — *Cloaca Maxima*. Как и другие отводные каналы, Большая Клоака представляла собой шедевр инженерного искусства. Это был надежный, прочный канал, по которому люди, инспектиро-

вавшие его, передвигались на лодках. Так он был велик!

Разумеется, подземные каналы были проложены лишь под большими римскими улицами. В переулках обходились без них, а воду и грязь отводили при помощи «открытых клоак» — воючих желобов, которые были достаточно глубоки, так что человек мог бы спрятаться там с головой, если бы только по желобу не текла всё время жидкая грязь.

Вот эти открытые клоаки и становились по ночам местами несанкционированной торговли, которую обычно вели некоторые преступные женщины. Они, например, в этом зловонном месте, среди отбросов и грязи, перепродавали новорожденных детей, забирая их у женщин, которые хотели избавиться от ребенка, и сбывая их женщинам, которые как раз мечтали о детях, но из-за бесплодия не могли их иметь.

Так что, если бы была возможность покопаться в потаенном прошлом некоторых знатных и богатых римлян, мы обнаружили бы наверняка, что кое-кто из них родился не в стенах отцовского особняка, а среди вони и нечистот, и был почти сразу усыновлен и воспитан бездетной семьей, став единственным наследником уважаемого рода.

Рим пробуждается

В четыре часа утра, когда близится рассвет и все повозки, доставлявшие в Рим товары, уже отправились в обратный путь и теперь пытаются вы-

ехать из города, когда ночные фавориты, преступники, покинули свои «охотничьи тропы» и первые солнечные лучи вот-вот осветят все закоулки Рима, центр города ненадолго пустеет.

Если бы какой-нибудь чужестранец поднялся в этот предрассветный час на Капитолий, он увидел бы наконец то, что всегда мешала разглядеть городская толпа, — противоположный конец Форума и воздвигнутый там в 135 году н. э. храм богинь Венеры и Рому, богини любви и покровительницы города, их общее святилище, которое не случайно называли одним из самых красивых и величественных храмов Рима. Слева от него высится мраморная Триумфальная арка Тита, возмечившая его победу над восставшими иудеями и взятие Иерусалима.

А за этими постройками, певольно выдвинутыми на первый план, светятся и переливаются, словно сооруженные из одних лишь драгоценных камней, императорские дворцы Палатина, окруженные диковинными парками. В предутренний час эти дворцы и парки кажутся сказочными. Таким же фантастичным и сказочным видится весь облик Рима, вместившего и эти дворцы, и храмы, и парки, и улицы, и многоязыкий гул людей, и драмы и трагедии, вершавшиеся на его улицах, в его особняках и доходных домах.

Бескрайний город мира — Рим, мир в миниатюре. Первый достоверно описанный мегаполис мира, переживший тысячи лет и оставшийся «вечным городом».